Тимофей С. Демин
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Бруно Латур и аналитическая эпистемология

doi: 10.22394/2074-0492-2019-2-116-135

Резюме:
В статье рассматривается теория знания Бруно Латура с позиции аналитической эпистемологии. Представители этого направления, как и Латур, предлагают ответ на вопрос «Что такое знание?». Автор эксплицирует расхождения между теорией Латура и базовыми предпосылками аналитических эпистемологов. С этой целью автор раскрывает основные идеи латуровской теории знания и демонстрирует, какие конвенции в анализе знания этот подход нарушает. Используя различения аналитической эпистемологии, автор классифицирует теорию Латура как пуристский инвариантистский антискептический экстернализм. Такая теоретическая позиция является одним из самых распространенных взглядов на знание в рассматриваемой области. Определение взглядов Латура позволяет идентифицировать специфические для этой позиции проблемы. Автор демонстрирует, что с некоторыми из проблем теория Латура не сталкивается, часть проблем имеет специфические для этой теории решения, а на некоторые вопросы теория не содержит явного ответа. Достоинство рассматриваемой теории заключается в том, что она хорошо справляется с двумя основными вызовами аналитических теорий знания: проблемой Гетье и проблемой скептицизма. В заключение автор предлагает критику, специфическую для теории Латура, и возможные контрдоводы. Основная проблема латуровского подхода — тесная связь со специфической версией метафизики. Широкое принятие латуровской метафизики в кругах аналитических эпистемологов относится к крайне маловероятным сценариям. На этом основании распространение теории знания Латура в аналитической философии в том виде, в котором она нам известна сейчас, не представляется возможным.

Ключевые слова: эпистемология, знание, анализ знания, модусы существования, Бруно Латур

Демин Тимофей Сергеевич — аспирант кафедры философии науки и техники Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург. Научные интересы: эпистемология, философия сознания, теории истины. E-mail: detimofei@gmail.com
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00604.

Timofey S. Demin
SPbU, St. Petersburg, Russia

Bruno Latour and Analytic Epistemology

Abstract:
In the article, the author examines the theory of knowledge of Bruno Latour from the perspective of analytic epistemology. Representatives of this approach—as well as Bruno Latour himself— are trying to answer the question: "What is knowledge?". The author explicates the difference between Latour's theory and the basic premises of the analytic epistemologists. In order to do this, the author highlights the theoretical foundations of Latour's theory of knowledge and demonstrates the conventions in the analysis of knowledge which this approach violates. Using the distinctions of analytic epistemology, the author classifies Latour's theory as a purist antisceptic invariantistic externalism. Such a theoretical position is one of the most common views on knowledge in this field. This classification of Latour's views makes it possible to identify the problems specific to this position. The author demonstrates that Latour's theory avoids some of these problems, that some of the problems have a solution specific to this theory, and that some of the problems are not specifically addressed within it. The advantage of Latour's theory is that it copes well with the two main challenges of analytic theories of knowledge: the Gettier problem and the problem of skepticism. In the conclusion, the author offers a critique specific to Latour's theory and presents possible objections to it.

Keywords: epistemology, knowledge, the analysis of knowledge, modes of existence, Bruno Latour

Статья посвящена вопросу «Что такое знание?», который рассматривается в перспективе аналитической эпистемологии на материале работ Бруно Латура. Хотя Латур предлагает оригинальную и обоснованную концепцию знания, его теория для аналитических эпистемологов остается маргинальной. Задача работы — обосновать философскую состоятельность теории знания Латура в рамках современной эпистемологии[2].

В эпистемологии нет доминирующей концепции знания. Большая часть теорий предполагает, что знание — это истинное убеждение вместе с некоторым условием X, которое может быть каузаль-

Timofey S. Demin — PhD student, Department of Philosophy of Science and Technology, Institute of Philosophy SPbU, St. Petersburg. Research interests: epistemology, philosophy of consciousness, theories of truth. E-mail: detimofei@gmail.com

[2] Под эпистемологией в этом тексте будет пониматься направление аналитической философии, которое занимается проблемами знания и обоснования.

ной связью [Goldman 1967], обоснованием (warrant) [Plantinga 1993], надежностью (reliability) [Goldman 1976] или более сложным условием [Chisholm 1989]. Проект определения знания в терминах компонентов, из которых оно состоит, называется анализом знания[1]. Ряд эпистемологов отвергают этот проект и предлагают свой взгляд на то, что такое знание [Cohen 1999; Williamson 2002]. Я попытаюсь показать, что теория Латура может стать возможным решением проблемы знания как она поставлена в аналитической философии. Основные проблемы, которые мешают эпистемологам найти удовлетворительную теорию знания, — это проблема Гетье и проблема скептицизма. Первая показывает, что многие определения знания включают в себя такие случаи, которые интуитивно знанием не являются. Вторая возникает, когда мы применяем к знанию слишком строгие критерии, для того чтобы исключить проблему Гетье. Если критерии слишком строгие, то легко усомниться в том, что мы способны обладать каким-либо знанием. Аналитические концепции знания либо не могут преодолеть проблему Гетье (теории в анализе знания), либо делают уступки скептицизму (контекстуализм), либо строятся на спорных основаниях (например, знание ограничено ментальным состоянием). Теория Латура не сталкивается с указанными проблемами.

С целью продемонстрировать, что латуровский подход к знанию является перспективным и выдерживает возможную критику со стороны аналитических философов, я дам краткое описание теории знания Латура (далее ТЗЛ). Затем продемонстрирую, какие конвенции в анализе знания ТЗЛ не соблюдает. После применю к ТЗЛ сложившуюся в эпистемологии классификацию подходов с тем, чтобы выявить применимую к взглядам Латура критику. Эта критика будет применима к ТЗЛ в силу занимаемых ею позиций по важным для теорий знания различениям. В конце я предложу перспективную критику ТЗЛ, которая не свойственна для аналитических концепций знания, и возможные ответы на нее.

Теория знания Бруно Латура

После написания «Пересборки социального» (2005) Латур приступил к проекту «модусов существования»[2]. Результатом этого проекта

1 Информативное введение в проблематику анализа знания см. [Ichikawa, Steup 2018].

2 Здесь имеется в виду библиографическая периодизация творчества Латура. После 2005 г. он пишет ряд работ в новом ключе (про право, религию, искусство и собственно метафизику), которые в целом можно охарактеризовать как проект «модусов существования».

стал ряд работ, главная из которых — «Исследование модусов существования» [Latour 2013]. Одна из базовых идей этой работы: есть четырнадцать разных способов говорить об истине, четырнадцать модусов существования. Наличествуют модусы, связанные с нашей повседневной жизнью, вроде закона, политики, технологии, науки, привычки, этики, вымысла (fiction) или религии, есть и менее узнаваемые модусы. Так, существует модус, отвечающий за сохранение сущностями их тождества во времени, — репродукция, или модус, отвечающий за то, чтобы другие модусы не нарушали своих границ[1], — препозиция. Вместе эти модусы включают в себя все, что доступно людям в мире, исчерпывают собой в достаточной степени все сущности, с которыми мы сталкиваемся [Ibid.: 479–480]. Модусы определяют, что представляют собой сущности, которые возникают внутри них, а также значение *истинности* или ложности в рамках своих *границ* [Ibid.: 53–54]. Высказывание не может быть истинным вообще; оно наделяется истинностным значением в рамках конкретных модусов. Мы можем совершать истинные и компетентные высказывания в таких областях, как этика, правоприменение, воспроизводство сущностей во времени, искусство или психика, опираясь не только на знание, но и на другие способы достижения истины. Например, в правоприменении мы приходим к истине благодаря работе с легальными средствами (means), приводя прецедент в соответствии с формулировками правовых актов, в религии — толкуя священные тексты.

Каждый модус имеет: а) особую траекторию, по которой циркулирует производимая модусом сущность. Для знания это движение информации через «каскад трансформаций». Например, перемещение информации от данных наблюдений в пробирке до научной статьи требует многочисленных изменений, переводов из записей наблюдений в графики, из графиков — в интерпретации и т.д. В ТЗЛ любое движение информации по траектории знания подразумевает перемещение через подобные трансформации; б) «условия удовлетворения» — то, каким образом устанавливается истинность или ложность высказывания в рамках модуса. Для знания это «каноническое разделение на “истинные” и “ложные” высказывания, находящиеся в соответствии (corresponds)» с референтом (то поло-

1 Все веб-ссылки в статье даются на сайт modesofexistence.org, посвященный opus magnum Латура — «Исследованию модусов существования». На сайте есть объемный индекс с раскрытием всех основных понятий и сюжетов книги. Для доступа к материалам необходима регистрация. (http://modesofexistence.org/inquiry/?lang=en#b[chapter]=#7&b[subheading]=#107&a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-405&i[column]=VOC&s=0&q=[pre])

жение дел, к которому отсылает информация); в) требования, которым должны соответствовать производимые модусом сущности: «объективное, инструментализированное и исправленное знание», сохраняющее неизменность в ходе трансформаций[1]. Для обозначения этого феномена Латур использует термин «неизменная мобильность» — способность информации проходить через трансформации, сети, контексты, время, пространство (мобильность) и сохранять при этом нужное содержание (неизменность); г) способ изменения модуса, при котором он сохраняет самотождественность[2] (каким образом в рамках модуса производятся новые сущности?): достижение отдаленных сущностей через траектории движения неизменных мобильностей [Latour 2013: 488-489][3]. То, что было недоступно знанию через его траектории, становится доступным благодаря тому, что объект через движение информации становится известен субъекту.

Знание, таким образом, — это один из многих способов достижения истины со своими специфическими характеристиками, не редуцируемый до любого другого модуса [Latour 2007: 85]. Эти необычные для эпистемологии детали, вроде информации, являющиеся «неизменными мобильностями», которые перемещаются через «каскады трансформаций», — результат многих лет научной этнографии. В слишком знакомых или близких для нас случаях знания этапы трансформации неразличимы, и поэтому не получается увидеть трансформации, которые претерпевает информация, для того чтобы пройти свой путь от объекта к субъекту. Исследования науки показали сложности, с которыми сталкивается знание в процессе возникновения. Отсюда упрек Латура в адрес классических философов: для объяснения того, как возникает знание, они используют слишком простые примеры. На таких примерах ни одна из теорий не может показать те сложности, с которыми сталкивается знание. Поэтому «мы принимаем побочный продукт пути [знания — ДТ] — знающий разум и познанный объект — как два единственных по-настоящему значимых компонента любого

1 http://modesofexistence.org/inquiry/#b[chapter]=#9&b[subheading]=#135&a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-441&i[column]=VOC&s=0&q=[ref]

2 Латур пользуется терминами бытие-как-другое (модус может меняться — знание делает новые сущности доступными), которое при этом остается самим собой (бытие-как-бытие). http://modesofexistence.org/inquiry/#a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-159&i[column]=VOC&s=0

3 http://modesofexistence.org/inquiry/#a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-441&i[column]=VOC&s=0

положения дел» [Ibid.: 90]. Этот упрек справедлив и по отношению к современным эпистемологам. Избежать эпистемологической ловушки нам помогут пять тезисов.

1. Знание, которое находится в процессе производства, и знание, которое мы видим в качестве результата этого процесса, — два разных состояния знания [Ibid.: 94].
2. Только во втором состоянии знания мы можем говорить о знающем субъекте и знаемом объекте [Ibid.].
3. Исправления и пересмотры — это сущностно важные части возникновения знания[1] [Ibid.].
4. Создание «черных ящиков»[2], проверка знания экспертами, привыкание к новому знанию и другие формы институционализации — также сущностные черты знания [Ibid.].
5. Знание находится во времени; оценить, что является знанием, а что нет, можно лишь ретроспективно [Ibid.: 88].

Если в концептуализации знания мы опускаем эти тезисы, то исчезает работа, благодаря которой формируется знание. Это открывает дорогу для «телепортационного знания» — идеи, что знание — это скачок от объекта к субъекту без понимания того, как возникновение этих двух сущностей стало возможным. Даже если такое понимание есть, субъект и объект остаются центральными элементами, с которых начинается анализ знания. Именно такую картину, где субъект и объект — точки отчета анализа знания, мы можем наблюдать в современной эпистемологии. ТЗЛ выступает против такого положения дел.

Нарушая конвенции

Хотя ТЗЛ имеет множество пересечений с эпистемологией, она не похожа на аналитические теории знания. Для демонстрации расхождения следует выявить конвенции в анализе знания, которые нарушает Латур. В этом разделе я рассмотрю такие конвенции[3].

Объект знания — это пропозиция. Обычно она выражается в форме «S знает, что P».

1 Стивен Коэн предполагает, что практически все эпистемологи разделяют эту идею [Cohen 1988]. См. также [Holliday 2015].

2 Обычно нам не нужно знать, как мы пришли к какому-то знанию. Например, нам не интересны доказательства того, почему Земля вращается вокруг Солнца. Тогда мы просто пользуемся этим фактом без обращения к тому, на чем основывается это знание. Латур назвал такой принцип «черным ящиком» [Latour 1987: 2-3].

3 Часть конвенций взята из [Zagzebski 2008: 3–5].

Пропозиция — это смысл высказывания. Согласно ТЗЛ, знание содержится во множестве связей между сущностями, в сложных операциях, движении «неизменных мобильностей», которые эпистемологи не замечают [Latour 2007: 94]. В форме «S знает, что P» мы выражаем конечный продукт знания.

Знание — это когнитивная связь субъекта знания с пропозицией.

Рассматривая знание как отдельный модус существования, Латур особое внимание уделяет критике знающего субъекта и познанного объекта. Для возникновения знания задействуется целая цепочка связей. Это особенно наглядно в случае с трудоемкими «открытиями»: чтобы подтвердить существование бозона Хиггса, физики проводят самый дорогой в истории эксперимент посредством Большого адронного коллайдера. В производстве такого знания задействовано огромное количество связей, выходящих далеко за пределы формы «S знает, что P». Знание может быть выражено в такой форме, только когда оно произведено и артикулировано [Ibid.: 90]. Следуя логике Латура, положение субъекта и объекта как центральных понятий знания — одна из причин, по которой эпистемологи так сильно заблуждаются в том, как оно устроено.

Анализ пропозиционного знания отличается от анализа других видов знания.

Некоторые эпистемологи утверждают, что не все знание существует в форме пропозиции, и выделяют знание-как: например, знание, как водить велосипед. Я полагаю, что ТЗЛ не чувствительна к подобного рода различениям и не рассматривает *знание-как* в качестве особого вида знания. Важнее, что для ТЗЛ не существует «чистого пропозиционного» знания или «чистого знания-как». Кроме пропозиций или навыков есть множество других ступеней трансформации, через которые проходит информация в модусе знания.

Истина является необходимым компонентом знания. Для анализа знания используется корреспондентная теория истины.

Корреспондентная теория истины утверждает, что истина — это соответствие пропозиции и того положения дел, к которому она отсылает. Например, пропозиция «кот сидит на ковре» истинна, потому что кот действительно сидит на ковре вне зависимости от того, знаете вы это или нет. Корреспондентная теория доминирует в аналитической философии [Bourget, Chalmers 2014]. Она является интуитивной, однако сталкивается с проблемой объяснения природы соответствия пропозиции и положения дел. ТЗЛ не принимает корреспондентную теорию в ее классическом виде [Ibid.: 95-96]. Это значимое и принципиальное отличие от других концепций знания. Идентификация и экспликация теории истины в философии Латура — проблема, заслуживающая особого внимания, выходящая за рамки данной работы.

Превращение Латура в эпистемолога

Латур отвергает эпистемологию как ошибочный проект [Latour 2007: 94]. При этом ТЗЛ создает полноценную теорию знания, поскольку имеет позицию по всем значимым вопросам в рамках эпистемологии. Теории знания поддаются классификации по пяти выборам позиций[1]. Это разделение на интернализм и экстернализм, пуризм и импуризм, скептицизм и антискептицизм, инвариантизм и контекстуализм, редуктивиные и нередуктивные теории. В этом разделе я на примерах раскрою эти различения, идентифицирую ТЗЛ по отношению к ним, укажу некоторые из проблем, с которыми сталкивается латуровская теория, и рассмотрю, как она их решает.

Интернализм и экстернализм

Рассмотрим пример высказывания: Москва — самый большой город России. Многим известно, что это так. Но какими свидетельствами мы располагаем в пользу этого? Возможно, кто-то вспомнит, как читал об этом в Википедии, однако многим неизвестна причина, по которой они разделяют это убеждение. Интерналисты считают, что для обладания знанием необходимо иметь свидетельства в пользу того, что Москва — самый большой город России. Экстерналисты утверждают, что такой необходимости нет, — можно знать что-то, не помня свидетельств, благодаря которым некто к этому пришел[2]. С точки зрения экстернализма, убеждение является обоснованным в том случае, если субъект связан с объектом знания правильным образом, например с помощью причинно-следственной связи или надежного процесса формирования убеждений (reliable belief forming process).

Интерналисты считают экстернализм контринтуитивным. Распространенное возражение звучит следующим образом: как вы можете знать, что Москва — самый большой город России, если у вас нет весомых причин так думать? Экстерналисты возражают, что если интерналисты правы, то у нас остается очень мало знания, так как их критерии слишком строгие. Исследования памяти в психологии показывают, что люди редко помнят источник знания [Nagel

1 Можно выделить больше оснований для классификаций и, полагаю, ТЗЛ прекрасно впишется в большинство из них. Классификация теории знания по трем различениям (пуризм/импуризм, инвариантизм/контекстуализм, скептицизм/антискептицизм) содержится в [Turri 2013: 167].

2 Информативное введение в противостояние экстерналистов и интерналистов см. в [Nagel 2014].

2014]. Вывод, что люди редко имеют доступ к знанию, устроит только скептиков. Если критерий знания окажется слишком строгим, то мы должны от него отказаться. В этом вопросе ТЗЛ занимает более распространенную в современной эпистемологии позицию экстернализма. Для того чтобы что-то знать, субъекту достаточно иметь связь в виде цепочки референций с объектом знания, которая будет приводить нас к истинному выводу.

Пуризм и импуризм

Рассмотрим ситуацию: два разных человека имеют одинаковый эпистемический доступ к факту P — их убеждения основаны на идентичных обоснованиях и свидетельствах, которые равны в плане надежности, а также они одинаково хорошо осведомлены о контраргументах против этого факта. Возможна ли ситуация, когда один из них обладает знанием, что P, а другой — нет? Импуристы полагают, что практические соображения делают такую ситуацию возможной. Пуристы — что нет [Turri 2013: 166–167].

Согласно Латуру, знание — это модус существования. Я предполагаю, что прагматические соображения не входят в этот модус как его конститутивные элементы в отличие от цепочки из референций объекта, субъекта и других необходимых для модуса знания сущностей. Отсюда я делаю вывод, что в самом знании нет прагматических элементов. С другой стороны, знание не существует в вакууме. Прагматические соображения, конечно же, участвуют в ситуациях, когда мы пользуемся знанием. Мы принимаем решения не только на эпистемических основаниях, но это не отменяет того, что в метафизике Латура модус знания имеет монополию на то, как приходить к истине в рамках своих границ. Важно оговориться, что я допускаю импуристскую интерпретацию ТЗЛ на следующем основании: люди, производя знание, могут руководствоваться прагматическими соображениями. Материальная выгода ученого может стать необходимым компонентом для того, чтобы некоторый взгляд стал научным фактом. Поэтому прагматические условия являются необходимыми компонентами в существовании отдельных случаев знания. Тем не менее я не нахожу этот аргумент достаточным для классификации ТЗЛ в качестве импуризма.

Если мы определяем ТЗЛ как пуристскую теорию, то она сталкивается со следующей проблемой. Допустим, некий Стюарт ожидает посадки на прямой рейс до Детройта. В руках у него талон на посадку с указанием, что это прямой рейс. Теперь представим два развития ситуации: (1) К Стюарту подсаживается другой пассажир. «Я так устал на работе, если рейс до Детройта непрямой, то я тут с ума сой-

ду! Кстати, приятель, — пассажир поворачивается к Стюарту, — ты не знаешь, это прямой рейс?» «Знаю, — отвечает Стюарт, — это прямой рейс». (2) К Стюарту подходит человек в униформе с эмблемой красного креста. «Я курьер и перевожу печень для трансплантации пациенту в Детройт. Хотел узнать, прямой ли это рейс? Если нет, то печень не успеет доехать и испортится». «Не знаю, — разводит руками Стюарт, — обратитесь к сотрудникам авиакомпании за уточнением»[1].

Вне зависимости от ситуации Стюарт имеет одинаковые свидетельства — данные посадочного талона. В ситуациях (1) и (2) Стюарт ведет себя адекватно, кажется, что его поступки последовательны. Однако эпистемические понятия, вроде свидетельства или обоснования, не объясняют разной реакции. Предположение, что оба раза Стюарт врет и у него нет знания, кажется контринтуитивным и ведет к скептицизму (данные посадочного талона — достаточно сильное обоснование). Импуристы из этого заключают, что прагматические соображения являются компонентом знания.

Я предполагаю, что ТЗЛ склонна заметить в приведенном кейсе то, что мы невнимательны к другим модусам при рассмотрении знания. Случаи (1) и (2) для Латура — разные. Знание может принимать во внимание в том числе и прагматические соображения, так как не существует вне самой ситуации. Тем не менее это не делает данные соображения частью модуса. Если меняются ситуации, меняется и само знание — оно описывает новую ситуацию. Нет ничего удивительного в том, что тот, кто является частью цепочки опыта (1), ведет себя по-другому в (2). Принимая во внимание то, что оценка знания в ТЗЛ дается ретроспективно, один из возможных ответов на представленную проблемную ситуацию — Стюарт оба раза последователен и говорит правду, потому что это разные случаи.

Такой ответ не объясняет, почему с эпистемической точки зрения в случае (2) Стюарт говорит, что не знает, и это звучит оправданно. Я полагаю, что перспективная линия защиты для тех, кто придерживается ТЗЛ, — принять позицию и аргументы Тури [Turri 2013] и Райсью [Rysiew 2001]. Стюарт в случае (2) говорит неправду, но он не обязан нести ответственность за то, как будет организован полет самолета. Даже если он обладает знанием, существует низкая вероятность ошибки. Например, произойдет экстренная посадка самолета из-за погодных условий. Но это вопрос не к модусу знания, а к модусу репродукции (этот модус отвечает за продолже-

1 Этот кейс взят из [Turri 2013], где он защищает позицию пуристского инвариантизма. Кейс основан на [Cohen 1999].

ние существования чего-либо, в том числе во времени [Latour 2013: 91–92]; например, расписание полета самолетов остается неизменным). В случае (1) эта ситуация не является актуальной, и Стюарт не рассматривает ее как актуальную. В случае (2) Стюарт начинает рассматривать маловероятные события, вроде плохой погоды, которая может привести к экстренной посадке самолета, как значимые. Другими словами, пуристская интерпретация ТЗЛ совместима с решениями других пуристов.

Контекстуализм и инвариантизм

Эпистемический контекстуализм строится на том, что «знать» — глагол, чувствительный к *контексту*, поэтому под знанием мы можем понимать различные вещи [Cohen 1999]. Единой теории знания быть не может, потому что нет инварианта, который бы характеризовал все случаи знания. Контекстуалисты считают, что многие проблемы эпистемологии решаются тем, что в разных случаях мы применяем понятие знания, имея в виду разные стандарты того, в какой степени мы что-то знаем. Вернемся к случаю со Стюартом. В ситуации (1) Стюарт имеет низкий стандарт знания. Это связано с тем, что возможная ошибка не приведет к серьезным последствиям. В ситуации (2) стандарт знания очень высокий. Оба раза Стюарт говорит правду, отвечая на один вопрос по-разному, потому что это два вопроса с разными стандартами понятия «знание».

В противоположность контекстуалистам, инвариантисты считают, что знание во всех своих проявлениях имеет что-то общее, некий *инвариант*. ТЗЛ принадлежит ко второму лагерю. Инвариантом для всех случаев знания в теории Латура являются четыре характеристики модуса знания, описанные выше. Инвариантизм доминирует на протяжении всей истории западной философии, постоянно сталкиваясь с проблемой скептицизма [Dutant 2015]. Теории антискептического инвриантизма должны объяснять, почему скептические возражения так легко могут заставить человека усомниться в его знании.

Скептицизм и антискептицизм

Скептицизм является разновидностью инвариантизма. Скептики согласны с тем, что все случаи знания имеют общее основание, однако отрицают, что люди обладают знанием в принципе. В аналитической эпистемологии считается, что хорошая теория знания должна справляться с аргументами скептиков. Например, в классическом скептическом сценарии мы являемся мозгами в колбе,

для которых нейроученые с помощью импульсов имитируют повседневную жизнь. Состоятельная теория знания должна отвечать на вопрос, каким образом наше знание избегает подобной вероятности. Поскольку Латур — антискептик, то его теория должна решать проблему скептицизма, а также в идеале объяснить успешность стратегии скептиков. Почему скептические аргументы так легко могут убедить нас в незнании?

Так как модус знания ограничен, скептические сценарии не имеют отношения к той реальности, в которой мы взаимодействуем со знанием. Все, что возможно познать теоретически, действительно доступно знанию. Однако мы не можем познать какую-то единственную абсолютную реальность, потому что таких средств познания нет. Наше представление о том, что такое познание возможно по крайней мере в теории, — это отдельный модус, а именно модус абсолютной истины, который Латур именует двойным кликом, уподобляя двойному клику компьютерной мыши. Он пытается создать иллюзию, что знание может давать ответы на все вопросы, хотя это не так [Latour 2013: 93–95]. В латуровской метафизике знание не должно объяснять, почему кот на ковре сохраняет свое существование во времени, или каким должен быть наилучший судебный приговор, или как католику совместить феминизм с патриархатом, который предписывают Святые отцы, или как поступит на вашем месте благодетельный человек. На эти вопросы отвечают другие модусы. Присущий западному мышлению модус двойного клика только вводит в заблуждение. «Змеиный язык демона Двойного клика не может служить судьей, так как никогда не позволяет категории быть услышанной на своем языке. Берегитесь: все, что он предлагает, ведет к скептицизму» [Ibid.: 132].

Существует устойчивая связь между идеей, что человеческое мышление способно познавать мир таким, какой он есть «на самом деле», и скептицизмом. Латуровское объяснение успешности скептических стратегий работает на этой схеме: сначала предполагаются такие способности человеческого познания, которых у него нет, а затем скептические стратегии успешно опровергают существование таких способностей и доводят сомнение в том, что мы можем что-то знать, до предела. Я полагаю, что установление границ для знания действительно решает проблему скептицизма.

Редуктивные и нередуктивные теории

Проект анализа знания в аналитической философии начинался с решения проблемы Гетье. Гетье опровергает заметный в середине XX века подход, согласно которому знание — это обоснованное истинное убеждение [Gettier 1963]. Для этого он предлагает рассмо-

треть случай, который удовлетворяет условиям какой-либо теории знания благодаря совпадению. Допустим, мы посмотрели на циферблат швейцарских часов и получили обоснованное истинное убеждение в том, сколько сейчас времени. Однако часы сломались сутки назад, а стрелки часов в силу случайности показывают правильное время именно сейчас. Считать, что этот пример является знанием, контринтуитивно. Решения проблемы Гетье в аналитической эпистемологии предлагались исходя из того, что знание можно определить с помощью компонентов, из которых оно состоит (например, убеждения, истины и обоснования) и которые являются его необходимыми и достаточными условиями. Такие решения редуктивны, потому что знание редуцируется до своих составляющих, например, до обоснованного истинного убеждения.

Лидер движения «знание прежде всего» (knowledge first) Тимоти Вильямсон [Williamson 2002: 27–33] и его сторонники [Nagel 2013; Miracchi 2015; Cassam 2009b; Ichikawa 2017] отвергают этот подход. Ни одно из редуктивных решений в эпистемологии не смогло занять доминирующие позиции. На этом факте строится индуктивный аргумент Вильямсона: долгие попытки найти удовлетворительную редуктивную теорию знания не увенчались успехом [Williamson 2002: 30]. Причина — знание не состоит из других эпистемических элементов[1]. Подобно тому, как нельзя определить понятие цвета через перечисление разных цветов — коричневый, перламутровый, синий, сиреневый — мы не можем определить знание через перечисление элементов, которые являются его необходимыми и достаточными условиями. Так происходит, потому что знание фундаментальнее убеждения (и некоторых других ментальных состояний и эпистемических категорий). Более того, Вильямсон определяет убеждение через знание [Williamson 2002: 47]. Так как сделать обратное — определить знание через убеждение — никому не удалось, Вильямсон находится в более сильной позиции.

Я определяю ТЗЛ скорее как нередуктивную теорию знания. Одно из оснований — модусы нередуктивны по отношению друг к другу и не анализируются в терминах составных элементов. Другая причина — Латур негативно относится к редукции как к принципу в метафизическом теоретизировании [Latour 1993: 188]. Можно возразить, что через такие понятия, как цепочка референций, вектор (траектория), неизменная мобильность (информация), перевод,

1 Подробнее о разных смыслах тезиса «знание прежде всего» см. [Ichikawa, Jenkins 2017].

трансформация, черный ящик, объект, субъект, условия истинности (условия удовлетворения) и другие подходящие для этого термины возможно дать определение знания в форме необходимых и достаточных условий. Я полагаю, что это не только возможно, но и является перспективной теоретической работой.

Однако пока такой анализ знания никто не обосновал, у нас нет достаточных причин считать ТЗЛ редуктивной теорией знания. Даже если такой анализ будет обоснован[1], остается возможность предложить такую версию ТЗЛ, в которой знание нередуктивно. Если мы примем редуктивную версию ТЗЛ, она по-прежнему не сталкивается с проблемой Гетье. Последняя возможна только там, где есть разрыв между истиной и тем, что приводит к истине (например, обоснованием). ТЗЛ не предполагает зазора между цепочкой референций и истиной — цепочка референций является источником истины.

В дискуссии между редуктивными и нередуктивными подходами ТЗЛ занимает выгодную позицию. Если мы рассматриваем ТЗЛ как нередуктивную теорию, то индуктивный аргумент Вильямсона укрепляет ее статус. Нередуктивные теории знания не сталкиваются с проблемой Гетье. Более того, редуктивная версия ТЗЛ также не сталкивается с этой проблемой. При этом против подхода Вильямсона выдвигается ряд возражений. Например, знание в его теории редуцируется до операторов фактических ментальных состояний (factive mental states operators), а значит эта теория все-таки редуктивна [Cassam 2009a]. Другое возражение: считать знание ментальным состоянием — контринтуитивно [Brueckner 2002: 197]. Эти возражения не применимы к ТЗЛ, так как в ее рамках знание — вовсе не ментальное состояние. Ментальное состояние — одна из многих остановок, через которые проходит информация об удаленной сущности, чтобы стать для нас доступной.

Проблемы латуровского подхода к знанию

Мы приходим к выводу, что Латур занимает одну из самых распространенных позиций в эпистемологии — пуристского инвариантистского антискептического экстернализма. Позиция нередуктивного знания не является позицией большинства, однако

1 Вильямсон выступает против ортодоксального взгляда, что знание имеет ментальные элементы (убеждение) и не-ментальные элементы (истину). Латур в этом смысле верен ортодоксальному пониманию знания, поэтому существует перспектива редуктивной ТЗЛ. В моей следующей работе я продемонстрирую, как ТЗЛ можно адаптировать для аналитической философии.

новое по меркам философии направление имеет большое число сторонников[1]. Такое положение дает Латуру сильное преимущество: его теория отвечает основным интуициям эпистемологов о природе знания. В силу того, что занимаемая ТЗЛ позиция широко распространена, она также имеет наработанные ответы на критику. Некоторые из них я описал в предыдущем разделе. Ниже разберем, как ТЗЛ может ответить на дополнительные критические замечания.

Если знание — это цепочка референций, вектор, или направление, то непонятно, какова их природа. Ответ на вопрос «Что такое знание?» подразумевает, что философы должны прояснить природу явления, указать, что представляет собой знание метафизически. Можно предположить, что цепочка из референций устроена так же, как и причинно-следственные связи. Например, причиной того, что я вижу кота, является сам кот, а также мое зрение. Следствием — мой феноменальный образ кота в сознании. Однако то, что в аналитической философии называется причинно-следственными связями (causal connections), у Латура — вотчина модуса сетей, которым занимается акторно-сетевая теория. Именно в рамках этого модуса мы будем описывать то, как связан кот и его феноменальный образ[2]. Сети акторов необходимы для знания, но «цепи», по которым оно циркулирует, суть нечто иное. Пассаж Латура о «цепочке, определяемой как лакуна (hiatus) между формами разной природы», которая делает «отдаленные сущности доступными», по которой циркулируют «неизменные мобильности» [Latour 2013: 92], также не дает никакой ясности.

На эту критику можно возразить, что литературы по ТЗЛ достаточно [например, Latour 1987, Latour 2007, Latour 2013], чтобы ответить на вопрос о природе знания. Знание — это цепочка референций. Значение этого определения можно продемонстрировать на примере нашего восприятия. Когда сетчатка глаза воспринимает свет через колбочки и палочки, после чего происходит перевод этих данных в электрические импульсы, которые через глазной нерв поступают в зрительный отдел головного мозга, мы регистри-

1 Всего в этой системе различений можно занять 32 разные позиции. Многие из них не имеют понятной мотивации (например, сочетание контекстуализма и скептицизма) или не сложились исторически.

2 Существует множество теорий причинно-следственных связей, которые будут по-разному соотноситься со взглядами Латура на то, как один объект воздействует на другой. Соотнесение дискуссии о причинно-следственных связях в философии с модусом сетей Латура — сложный, но, на мой взгляд, перспективный исследовательский проект, аналогичный развиваемому в данной работе.

руем несколько переводов от воспринимаемого взглядом объекта до зрительного образа в сознании. Упрощенная схема выглядит так: объект — волны света — электронные импульсы — зрительный образ. В каждом случае происходит перевод из одной формы в другую. Все эти формы имеют разную природу, но передают одну информацию, которая, меняясь, сохраняет необходимое, чтобы объект стал доступен знанию. Любое знание проходит через такие переводы (трансформации) информации, чтобы сделать удаленные сущности доступными для познания, будь это высота горы, отдаленные галактики или грибницы в сосновом бору. В этом состоит природа знания, которая доступна для нашего понимания в представленном виде.

Высказывание с позиции знания — не единственный надежный способ приходить к истине, а это контринтуитивно. С точки зрения Латура, опираясь только на знание, невозможно дать правильное толкование священных текстов, ответить, как морально поступать в различных ситуациях, рассказать об эстетическом опыте созерцания картины или объяснить психологическую проблему соседа. Однако кажется, что совершать правильные высказывания о мире на регулярной основе нам позволяет только знание. Ограничение знания его собственным модусом не вызовет одобрения у эпистемологов. Тут можно возразить, что это проблема предубеждений эпистемологов. Если им что-то кажется контринтуитивным, это слабый аргумент[1]. Более того, основания этого тезиса объясняются в рамках философии Латура.

Теория истины Латура стоит особняком, вне «остальной» философии. Только приняв его теорию истины, мы можем принять целиком его теорию знания. Такой поворот в философии маловероятен. Это проблема легитимации теории истины Латура в целом и ТЗЛ в частности. Слишком много тезисов нужно принять для того, чтобы придерживаться ТЗЛ. Выгодное отличие аналитических теорий знания — они хорошо совместимы с различными взглядами в других областях, в том числе в метафизике. На это можно возразить, что пренебрежение ТЗЛ аналитическими эпистемологами не доказывает ее неверность, как и то, что она не имеет высокого уровня совместимости с другими философскими взглядами. Более того, модус двойного клика объясняет, почему люди принимают корреспондентную теорию исти-

1 У нас нет оснований считать интуиции сильными аргументами в дискуссии о знании, как и в любом другом метафизическом вопросе [Kornblith 2007], так как они могут легко вводить в заблуждение. Тем не менее в дискуссии о знании интуиции имеют особое значение при отклонении или принятии теорий [Climenhaga 2017: 83–85]. На этом основании я не вижу шансов принятия латуровской теории в кругах эпистемологов.

ны по умолчанию, хотя эта теория: а) не может объяснить природу связи между объектом и нашим мышлением о нем [Latour 2007: 95] и б) приводит к скептицизму.

Латуровская теория не дает понимания того, что такое знание как концепт. Передача «неизменных мобильностей», которые делают отдаленные сущности доступными, — формулировка, отличающаяся от других известных философских интуиций о знании (например, знание — это ментальное состояние; обоснованное истинное убеждение). Хорошо знакомое эпистемологам понятие «знание» у Латура определяется через незнакомые и сложные понятия: неизменные мобильности, цепочки референций, черные ящики, институционализация и ретроспекция. На основании этого можно предположить, что ТЗЛ не дает адекватного определения понятия, которое оно должно объяснить.

В качестве линии защиты возьмем на вооружение совместимые с ТЗЛ соображения Куассима Кассама. На вопрос «Что такое депрессия?» обычно ожидается не определение понятия через составляющие его элементы, а ответ. В нем раскрываются симптомы, внешние проявления заболевания, дается описание характерного для него эмоционального состояния, приводятся конкретные случаи. Именно такой ответ дает диагностическое и статистическое руководство по ментальным расстройствам Американской психиатрической ассоциации [Cassam 2009b: 110–111]. Эта логика переносится на знание: отвечая на вопрос «Что такое знание?», дать определение — это не первоочередная цель. Эта аналогия, конечно, не снимает с повестки вопрос «Как анализировать знание?». Кассам утверждает, что, давая ответ на вопрос «Как знание работает?», мы вместе с тем отвечаем на вопрос «Что такое знание?» [Cassam 2007].

Эта идея близка для рассматриваемой здесь теории. Дать определение знания — полезная работа, но подобная линия рассуждения склоняет к тому, что философы прежде всего должны объяснить, как знание работает, исходя из эмпирических данных[1] [Kornblith 2014]. Я полагаю, что парадигмальным примером того, как мы узнаем что-то, о мире наравне с нашим опытом, является наука — один из главных производителей знания. О том, как наука производит знание, Латур, кажется, рассказал больше, чем кто-либо другой.

1 Кассам придерживается противоположенного мнения — понять знание нам может помочь именно кабинетная философия, а не эмпирические исследования [Cassam 2009a].

Заключение

Главный вывод работы — ТЗЛ имеет достаточно оснований считаться состоятельной теорией знания в рамках аналитической эпистемологии, несмотря на то что она нарушает многие конвенции в анализе знания. Самое проблематичное из нарушений связано с отрицанием корреспондентной теории истины. ТЗЛ имплицитно занимает позиции в самых важных дискуссиях о знании в аналитической философии. Идентификация ее позиций вызывает проблемы в случае с различением на импуризм и пуризм, а также на редуктивные и нередуктивные теории. С моей точки зрения, ее можно корректно идентифицировать как пуристский инвариантистский антискептический нередуктивный экстернализм. При этом она не сталкивается с проблемой скептицизма, проблемой Гетье, а также с серьезным возражением в адрес нередуктивной теории Вильямсона, что знание — это не ментальное состояние. Теория Латура имеет ряд специфических проблем, описанных в последнем разделе.

Я попытался продемонстрировать, что рассматриваемой теории есть что ответить на эти возражения. Тем не менее, поскольку ТЗЛ придерживается достаточно экзотической теории истины и требует принятия постулатов, с которыми легко не согласиться (например, знание — это траектория движения информации или знание — далеко не единственный надежный способ приходить к истине), я полагаю, что в существующем виде эта теория не имеет перспективы стать влиятельной в кругах аналитических эпистемологов.

Библиография / References

Bell J., Cutrofello A., Livingston P. (eds) (205) *Beyond the analytic-continental divide: pluralist philosophy in the twenty-first century*, Routledge.

Brueckner A. (2002) Williamson on the primeness of knowing. *Analysis*, 62: 197–202.

Cassam Q. (2009a) Can the Concept of knowledge be analysed? P. Greenough, D. Pritchard (eds) *Williamson on Knowledge*, Oxford University Press.

Cassam Q. (2007) The possibility of knowledge. The possibility of knowledge. *Grazer Philosophische Studien*, 74: 125-141.

Cassam Q. (2009b) What is Knowledge? *Royal Institute of Philosophy Supplements*, 64: 101–120.

Bourget D., Chalmers D. (2014) What do philosophers believe? *Philosophical studies*, 170 (3): 465-500.

Chisholm R. (1989) *Theory of knowledge*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Climenhaga N. (2017) Intuitions are used as evidence in philosophy. *Mind*, 127: 69–104.

Cohen S. (1999) Contextualism, skepticism, and the structure of reasons. *Philosophical Perspectives,* 13: 57–89.

Cohen S. (1988) How to be a Fallibilist. *Philosophical Perspectives,* 2: 91–123.

Dutant J. (2015) The Legend of the Justified True Belief Analysis. *Philosophical Perspectives,* 29: 95–145.

Gettier E. (1963) Is justified true belief knowledge? A*nalysis,* 23: 121–123.

Goldman A. (1967) A causal theory of knowing. *The Journal of Philosophy*, 64 (12), 357-372.

Goldman A. (1976) Discrimination and perceptual knowledge. *The Journal of Philosophy*, 73 (20), 771-791.

Holliday W. (2015) Fallibilism and multiple paths to knowledge. *Oxford studies in epistemology,* 5: 97–144.

Ichikawa J. (2017) Basic Knowledge First. *Episteme,* 14: 343–361.

Ichikawa J. Jenkins C. (2017) On Putting Knowledge "First." Knowledge First. *Approaches in Epistemology and Mind*: 113.

Ichikawa J., Steup M. (2018) The Analysis of Knowledge. E. Zalta (ed.) T*he Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Summer 2018. Metaphysics Research Lab, Stanford University.

Kornblith H. (2014). *A naturalistic epistemology: Selected papers*, OUP Oxford.

Kornblith H. (2007) Naturalism and intuitions. *Grazer Philosophische Studien,* 74: 27-49

Latour B. (2007) A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. E. Hackett, M. Lynch, J. Wajcman, O. Amsterdamska (eds) T*he Handbook of Science and Technology Studies*, MIT Press.

Latour B. (2013) *An inquiry into modes of existence*, Harvard University Press.

Latour B. (1987) *Science in action: How to follow scientists and engineers through society*, Harvard University Press.

Latour B. (1993) *The pasteurization of France*, Harvard University Press.

Miracchi L. (2015) Knowledge is all you need. *Philosophical Issues,* 25: 353–378.

Nagel J. (2013) Knowledge as a mental state. *Oxford studies in epistemology*, 4: 273.

Nagel J. (2014) *Knowledge: A very short introduction*, OUP Oxford.

Plantinga A. (1993). *Warrant and proper functio,* Oxford University Press.

Rysiew P. (2001) The context-sensitivity of knowledge attributions. *Noûs,* 35: 477–514.

Turri J. (2013) Linguistic intuitions in context: a defense of nonskeptical pure invariantism. A. Booth, D. Rowbottom (eds) *Intuitions*, Oxford University Press.

Williamson T. (2002) *Knowledge and its Limits*, Oxford University Press on Demand.

Zagzebski L. (2008) *On epistemology*, Nelson Education.

Рекомендация для цитирования:

Демин Т.С. (2019) Бруно Латур и аналитическая эпистемология. *Социология власти*, 31 (2): 116-135.

For citations:

Demin T.S. (2019) Bruno Latour and Analytic Epistemology. *Sociology of Power*, 31 (2): 116-135.

Поступила в редакцию: 14.04.2019; принята в печать: 02.05.2019

Received: 14.04.2019; Accepted for publication: 02.05.2019